

TERRY PRATCHETT

Snuff

*Посвящается Робу —
в промежутках между выходными.*

*Эмме,
которая помогла мне понять гоблинов.*

И Лин — как всегда.

Представления об окружающем мире у гоблинов облечены в форму культа или, если угодно, религии под названием «коготт». Если вкратце, это необычайно сложная система воззрений, основанных на идее воскрешения и священности всех телесных выделений. Основной догмат коготта гласит: то, что исходит из тела гоблина, некогда, несомненно, являлось его частью, и, следовательно, с ним надлежит обращаться почтительно и должным образом хранить, чтобы в свое время предать погребению вместе с владельцем. Пока владелец жив, упомянутые выделения хранятся в коготтных горшочках — примечательных изделиях, о которых речь пойдет дальше.

И тут появляется неприятное осознание того, что достигнуть этой цели может лишь существо, обладающее внушительным богатством, массой свободного места и покладистыми соседями. Поэтому в реальной жизни большинство гоблинов соблюдают так называемый «хад» — более распространенную и менее строгую форму коготта, которая предполагает хранение ушной серы, обрезков ногтей, а также слизи из носа. Вода, в общем и целом, не считается коготтом, поскольку просто циркулирует по телу, не становясь его частью, и гоблины пола-

гают, что нет никакой очевидной разницы в воде до употребления и, так сказать, после (к сожалению, это дает понять, какой сомнительной чистоты воду они пьют в своих подземных логовищах). Сходным образом, фекалии считаются едой, которая просто перешла в иное состояние. Как ни странно, зубы не представляют для гоблинов никакого интереса; они считают их чем-то вроде грибов, и волосам они тоже не придают особого значения — впрочем, их у гоблинов все равно немного.

Тут патриций Витинари, правитель Анк-Морпорка, перестал читать и уставился в пустоту. В следующее мгновение в пустоте возник силуэт Стукпостука, личного секретаря (который, нужно заметить, годами упражнялся сливаться с пустотой).

Стукпостук сказал:

— У вас задумчивый вид, милорд.

К этому наблюдению он присовокупил самый почтительный знак вопроса, который повис в воздухе.

— Я обливаюсь слезами, Стукпостук, обливаюсь слезами.

Стукпостук перестал смахивать невидимую пыль с блестящей черной поверхности лакированного стола.

— Пастор Овсец весьма убедительно излагает, не правда ли, сэр?

— О да, Стукпостук. Но основная проблема никуда не делась, и заключается она вот в чем: человечество сумело примириться с гномами, троллями и даже орками, как бы они ни были временами устрашающи, и знаешь почему, Стукпостук?

Секретарь осторожно сложил тряпочку, которой вытирал пыль, и взглянул в потолок.

— Осмелюсь предположить, милорд, это потому, что в их жестокости мы узнаем свою?

— Отлично сказано, Стукпостук, я еще воспитую из тебя настоящего циника. Хищники уважают друг друга, не так ли? Иногда они даже уважают добычу. Лев порой способен лечь рядом с ягненком, пускай в итоге на ноги поднимется только лев. Но он никогда не ляжет рядом с крысой. Крысы, Стукпостук. Целая раса опустилась до уровня крыс!

Патриций Витинари грустно покачал головой, и неизменно бдительный Стукпостук заметил, что пальцы его светлости в третий раз за день вернулись к странице, озаглавленной «Коготтные горшочки». И вдобавок в процессе патриций разговаривал сам с собой, что было весьма необычно...

«По традиции, горшочки делает сам гоблин, из чего угодно, начиная с драгоценных камней и заканчивая кожей, деревом и костью. Из кости получают самые изящные и тонкие, как яичная скорлупа, вместилища, когда-либо существовавшие в мире. Разграбление гоблинских поселений охотниками за сокровищами и месть разгневанных гоблинов — вот в чем доныне заключаются отношения людей и гоблинов».

Патриций Витинари откашлялся и продолжал:

— Я цитирую пастора Овсеца, Стукпостук. «Должен признать, что гоблины живут на грани смерти, в основном, потому, что их туда оттеснили. Они выживают там, где не выживет больше никто. Их обычное приветствие — «ханг» — означает «держись». Я знаю, им приписывают ужасающие преступления, но и мир никогда не был к ним добр. Скажем прямо — те, чья жизнь висит на волоске, прекрасно понимают жуткую алгебру необходимости, которая не знает милосердия. Когда же необ-

ходимость становится крайней, женщины делают коготтные горшочки под названием «душа слез», самые красивые, украшенные резьбой в виде цветов и омытые слезами...»

Стукпостук, идеально рассчитав время, поставил на стол перед своим господином чашку кофе, как раз когда патриций Витинари дочитал до конца и поднял глаза.

— Жуткая алгебра необходимости, Стукпостук. Мы-то знаем, что это такое, правда?

— О да, сэр. Кстати говоря, сэр, мы получили сообщение от Алмазного короля троллей, который благодарит нас за непоколебимую позицию в отношении тролльных наркотиков. Отлично сделано, сэр.

— Я бы даже не назвал это уступкой, — заметил, отмахнувшись, Витинари. — Ты знаешь мое мнение, Стукпостук. Я, в общем, не возражаю, если люди принимают всякие вещества, от которых им становится лучше и веселее, ну или они видят маленьких танцующих фиолетовых человечков или даже собственного бога, почему бы и нет. В конце концов, это их мозг, и общество не имеет на него никаких прав, лишь бы в это время они не работали за станком. Но продавать троллям наркотики, от которых у бедняг в буквальном смысле взрывается голова, — это самое настоящее убийство, тяжкое уголовное преступление. И я рад отметить, что командор Ваймс полностью согласен со мной по данному вопросу.

— Да, сэр, и, с вашего позволения, напоминаю, что в скором времени он уезжает. Вы желаете его проводить?

Патриций покачал головой.

— Думаю, что не стоит. Наверняка он не в лучшем настроении, и, боюсь, мое присутствие только усугубит ситуацию.

Стукпостук с едва заметной ноткой соболезнования в голосе произнес:

— Не вините себя, ваша светлость. В конце концов, и вы, и командор Ваймс в руках высших сил.

Его светлость герцог Анкский, командор сэра Сэмюэля Ваймса из анк-морпоркской городской Стражи яростно тыкал за голенище карандашом, чтобы унять зуд. Но тщетно. Никогда это не помогало. От носков у него чесались ноги. Сто раз он собирался сказать жене, что вязание не входит в число ее многочисленных блистательных достоинств. Но Ваймс предпочел бы вообще остаться без ног. Ведь Сибилла бы страшно огорчилась.

Носки действительно были ужасные, толстые, бугристые, сплошь в узлах, так что приходилось покупать обувь на полтора размера больше. Он так и делал, потому что Сэмюэль Ваймс, который ни в один храм не входил с религиозными намерениями, боготворил госпожу Сибиллу и каждый день с крайним удивлением сознавал, что она испытывает к нему сходные чувства. Он сделал ее своей женой, а она его — миллионером; благодаря Сибилле нищий, одинокий, циничный, мрачный коп стал богатым влиятельным герцогом. Впрочем, свой цинизм Ваймс умудрился сохранить, и даже запряжка быков, накачанных стероидами, не вытащила бы копа из души Сэма Ваймса. Этот яд проник слишком глубоко, впитался в становой хребет. И теперь Сэм Ваймс чесался и подсчитывал плюсы, пока у него не закончились цифры.

А среди минусов была бумажная работа.

Бумажная работа существовала всегда. Хорошо известно, что всякая попытка сократить количество бумаг ведет к их увеличению.

Разумеется, для бумажной работы у Ваймса были люди, но рано или поздно ему как минимум приходилось что-то подписывать, а если не удавалось увернуться, так даже читать. И положить этому конец было невозможно; в конце концов, в полицейской работе всегда есть вероятность, что где-то взлетит на воздух очередной сортир. Инициалы Сэма Ваймса на бумаге извещали мир, что это *его* сортир и, следовательно, *его* проблемы.

Он окликнул через открытую дверь сержанта Задранец, которая исполняла обязанности ординарца.

— Еще что-нибудь, Шелли? — с надеждой спросил Ваймс.

— Не в том смысле, как вы думаете, сэр. Но, полагаю, вам приятно будет узнать, что я минуту назад получила клик от временно исполняющего обязанности капитана Пикши из Щеботана, сэр. Он говорит, что дела у него идут неплохо, сэр, и «а-ля» ему очень даже нравится¹.

Ваймс вздохнул.

— Еще что?

— Тихо как в колодце, — сказала гномиха, выгладывая за дверь. — Жарко, сэр. Слишком жарко, чтобы драться, слишком липко, чтобы воровать. По-моему, чудесно, сэр.

— Где стражники, там и преступление, — буркнул Ваймс. — Запомни это, сержант.

— Я помню, сэр, хотя, на мой вкус, лучше звучит, если слова поменять местами.

¹ Обмен кадрами с щеботанской жандармерией себя оправдал: в Щеботане учились работать в духе Ваймса, а еда в столовой Псевдополис-ярда заметно улучшилась трудами капитана Эмиля, хоть в ней и было слишком много «а-ля».

— Я так понимаю, нет никаких шансов, что меня отпустят без экзекуции?

Сержант Задранец явно встревожилась.

— Простите, сэр, но, боюсь, увильнуть не удастся. Капитан Моркоу официально заберет у вас значок в полдень.

Ваймс стукнул кулаком по столу.

— Я посвятил всю жизнь городу и не заслуживаю такого обращения!

— С вашего позволения, командор Ваймс, вы заслуживаете гораздо большего.

Ваймс откинулся на спинку кресла и застонал.

— И ты туда же, Шелли?

— Простите, сэр. Я знаю, вам нелегко.

— Меня вышвыривают отсюда после стольких лет! Ты же знаешь, как я просил! А такому человеку, как я, просить нелегко, можешь не сомневаться. Я умолял!

На лестнице слышались шаги. Ваймс вытащил из ящика стола коричневый конверт, что-то сунул в него, сердито лизнул, запечатал плевком и бросил на стол. Конверт звякнул.

— Вот, — произнес он сквозь стиснутые зубы. — Мой значок. Как велел патриций Витинари. Сдаю добровольно. Никто не скажет, что его у меня отобрали!

В кабинет вошел капитан Моркоу, пригнувшись под притолокой. В руках он держал какой-то сверток, а за спиной у него теснились несколько ухмыляющихся стражников.

— Прошу прощения, сэр, верховная власть и все такое. По-моему, вам повезло, что вас отправляют в отпуск всего на две недели. Госпожа Сибила изначально настаивала на месяце.

Моркоу протянул Ваймсу сверток и кашлянул.

— Мы с ребятами тут скинулись, командор, — произнес он с натянутой улыбкой.

— Предпочитаю то, что звучит разумнее, например «старший констебль», — сказал Ваймс, забирая сверток. — Знаешь, я тут подумал: если мне надают побольше титулов, я в конце концов найду тот, с которым смогу смириться.

Он разорвал бумагу и извлек маленькое разноцветное ведерко и лопатку, к общему восторгу притаившихся зевак.

— Мы знаем, что вы едете не на взморье, сэр, — начал Моркоу, — но...

— И очень жаль, что не на взморье! — жалобно произнес Ваймс. — Там бывают кораблекрушения. Контрабандисты. Утопленники. Преступники так и кишат! Хотя что-то интересное.

— Госпожа Сибилла говорит, вам будет чем развлечься, сэр, — сказал Моркоу.

Ваймс застонал.

— В деревне-то? Чем можно развлечься в деревне? Ты знаешь, почему она называется деревней, Моркоу? Потому что там, черт побери, нет ничего, кроме проклятых деревьев, которыми почему-то полагается восхищаться, хотя на самом деле они просто сорняки-переростки! Там скучно! Сплошное воскресенье! А еще мне придется общаться со всякими шишками!

— Сэр, вам понравится. Я не помню, чтобы вы когда-нибудь брали выходной, разве что когда бывали ранены, — сказал Моркоу.

— Да и то он непрерывно ворчал и беспокоился, — произнес голос в дверях. Он принадлежал госпоже Сибилле. Ваймса изрядно обижало то, что стражники слушались его жену. Он, разумеется, до безумия обожал Сибиллу, но не мог не заметить,

что в последнее время его любимый сэндвич с беконом, салатом и помидором превратился из традиционного сэндвича с БЕКОНОМ, салатом и помидором в сэндвич с САЛАТОМ, ПОМИДОРОМ и беконом. Разумеется, жена пеклась о его здоровье. И все вокруг словно сговорились. Почему ученые не откроют какой-нибудь овощ, который вреден для здоровья? И что не так с луковой подливкой? В конце концов, в ней же лук! И желудок он прочищает будь здоров. Это ведь полезно, не так ли? Что-то такое он точно читал.

Две недели отпуска, в течение которых за каждым приемом пищи будет надзирать жена. Об этом нестерпимо было даже думать... но Ваймс все равно думал. И потом еще Юный Сэм, который рос как сорная трава и всюду совал свой нос. Две недели на свежем воздухе, по словам Сибиллы, пойдут мальчику на пользу. Ваймс не спорил. Бессмысленно было спорить с Сибиллой: даже если ты думаешь, что победил, оказывается, на самом деле тебя неверно информировали. Это какая-то магия, совершенно недоступная мужьям.

По крайней мере, ему позволили выехать из города в доспехах. Они были частью Сэма Ваймса, такие же потрепанные, как и он сам, с той разницей, что вмятины на доспехах чинились при помощи молотка.

Ваймс, держа на коленях сына, смотрел на удалявшийся город, а карета везла его навстречу двум неделям буколических грез. Он чувствовал себя изгнанником. Но, с другой стороны, в городе просто обязано было случиться какое-нибудь ужасное убийство или дерзкое ограбление, которое *по очень важным* соображениям морали (на худой ко-